

УДК 81-112

ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ ЛОГИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РАБОТАХ В.П. СЛАНСКОГО

КОРНИЛОВ Николай Викторович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос о соотношении логических и грамматических категорий в работах полузабытого русского филолога, педагога и логика второй половины XIX века Василия Петровича Сланского. В своих трудах он пытался доказать, что ставшее традиционным в грамматике определение предложения Ф.И. Буслаева («суждение, выраженное словами») ошибочно. Педагог приводит факты, доказывающие, что грамматическое предложение существенно отличается от логического суждения. В этом смысле он продолжает традицию, начатую А.А. Потебнёй, критиковавшим грамматическую систему Ф.И. Буслаева за логицизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сланский, педагог, грамматика, предложение, суждение, мысль, факты.

THE CORRELATION OF LOGICAL AND GRAMMATICAL CATEGORIES IN V.P. SLANSKY'S WORKS

KORNILOV N.V.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

ABSTRACT. The article is devoted to the question of logical and grammatical categories correlation in the works of half-forgotten Russian philologist, teacher and logician of the second half of the XIX century Vasily Petrovich Slansky. In his writings, he tried to prove that the definition of the sentence by F.I. Buslaev ("judgment, expressed by words"), which had become traditional in grammar, is erroneous. The teacher cites the facts proving that the grammatical sentence differs significantly from the logical judgment. In this sense, he continues the tradition begun by A.A. Potebnya, who criticized the grammatical system of F.I. Buslaev for logicism.

KEY WORDS: Slansky, teacher, grammar, sentence, judgment, thought, facts.

В языкознании XXI века лингвистическое и методическое наследие некоторых языковедов и педагогов прошлого, содержащее ценные и актуальные идеи, остаётся несправедливо забыто. Вот почему исследователи нередко принимают «за разработку того, что уже было сделано нашими предшественниками» [2, с. 3]. Стоит согласиться, что хотя учёные прошлого в отличие от современных исследователей ставили перед собой несколько иные задачи и решали их далеко не теми же методами, тем не менее в науке о языке XXI века «пересмотр русского лингвистического наследия стал настоятельной необходимостью» [14, с. 1].

В истории языкознания можно найти достаточное количество работ, посвящённых анализу научного наследия классиков отечественной синтаксической науки. Однако до сих пор остаются полузабытыми имена исследователей XIX века, высказавших в своё время смелые новаторские идеи. К их числу следует отнести русского филолога, педагога, логика, «современника и последователя Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева, Ч. Дарвина и И.М. Сеченова, автора и пропагандиста оригинальной логико-грамматической концепции» *Василия Петровича Сланского* (1840 – 1914).

К сожалению, до нас дошли немногочисленные и порой противоречивые сведения о жизни, педагогической и научной деятельности В.П. Сланского. Известно, что он родился в 1840 году в слободе Меженки Острогского уезда Воронежской губернии в семье священника Петра Фёдоровича Сланского, который рано умер и оставил большую семью

почти без средств к существованию. В 1855 году В.П. Сланский поступил в Воронежскую духовную семинарию, окончив которую в 1861 году со степенью «студента», он начинает преподавать славянскую грамматику, арифметику и географию в Воронежском духовном училище. В 1862 году В.П. Сланский поступил в Московскую духовную академию, которую «блестяще» закончил «со степенью кандидата и с правом получения степени магистра по выслуге в духовном училищном ведомстве двух лет с «одобрением от начальства» [13, с. 203].

В 1866 году В.П. Сланский защитил диссертацию «Критический разбор сочинения Алоизия Пихлера «История разделения церквей» и стал магистром богословия. В этом же году его направляют из Московской духовной академии в Курскую духовную семинарию на должность учителя русской словесности и логики. По словам Ю.М. Максимова, «в семинарии он пытается применить в жизни свои философские и педагогические воззрения, однако последние не находят поддержки ни у начальства семинарии, ни у коллег: мировоззрение В. Сланского, проникнутое пафосом борьбы с несправедливостью существующего антигуманистического общества, отпугивает их от молодого учителя» [13, с. 204]. Он создал в Курске музыкальный кружок, члены которого обсуждали злободневные политические вопросы. Это послужило поводом для высылки В.П. Сланского из города. Его лишили права преподавать.

В.П. Сланский переехал в Санкт-Петербург, где с 1876 года работал чиновником в ревизионной комиссии Государственного контроля по департаменту военной и морской отчётности. В 1870-е гг. он ак-

тивно сотрудничал в педагогическом журнале «Семья и школа» и был участником деятельности Санкт-Петербургского педагогического общества, после роспуска которого «за неугодные правительству веяния» Василий Петрович стал «постоянным членом заседаний Педагогического музея военно-учебных заведений» [13, с. 205]. Там он с 1881 по 1892 гг. читал лекции. В.П. Сланский умер 4 февраля 1914 года «у себя в кабинете, в доме на Фурштатской улице, за письменным столом» [13, с. 215]. Похоронен педагог под одним крестом с женой Екатериной Виссарионовной Сланской (1853 – 1903) на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Лингвистическое наследие В.П. Сланского актуально для современного языкознания по нескольким причинам. Во-первых, исследователи XX – XXI вв. довольно часто ссылаются на труды этого педагога. Во-вторых, рассмотрение лингвистических взглядов В.П. Сланского «позволяет в определённом смысле восстановить одну из полузабытых и тем не менее достаточно интересных страниц из истории отечественной филологии» [13, с. 4]. В-третьих, в работах В.П. Сланского содержатся идеи, предвосхищающие некоторые концепции современных языковедов.

Научные интересы В.П. Сланского были связаны с педагогикой и психологией, логикой и грамматикой. На это, между прочим, указывают его рецензии и научные статьи, которые в разные годы печатались в журналах «Семья и школа», «Гимназия» и «Педагогический сборник (часть неофициальная)».

Статья «Две экскурсии в область русской грамматики» (1876) – первая работа В.П. Сланского по языкознанию, продолжением которой стала статья «Коренная ошибка грамматик» (1878). Они были опубликованы в педагогическом журнале «Семья и школа».

Эти работы В.П. Сланского до сих пор не переиздавались, стали библиографической редкостью, так что современному исследователю сложно найти их. В 1883 году в «Педагогическом сборнике (неофициальная часть)» была напечатана работа В.П. Сланского «Что такое есть и чем должна быть грамматика. Пять научных бесед, читанных в Санкт-Петербургском педагогическом музее в 1882 г.». В 1887 году была опубликована монография В.П. Сланского «Грамматика – как она есть и как должна бы быть» (1887).

Работы В.П. Сланского, посвящённые проблемам синтаксиса русского языка, объединяет одно – критика синтаксической системы Ф.И. Буслаева (1818 – 1897) и основанных на ней учебных грамматик К.Г. Говорова (1820 – 1874) и К.Д. Ушинского (1824 – 1870). Не случайно В.В. Виноградов (1894/1895 – 1969) заметил, что «В. Сланский – пропагандист одной идеи, автор одной темы» [4, с. 312].

По мнению В.П. Сланского, предложение является главным и центральным понятием грамматической системы любого языка, поэтому очень важно дать точную дефиницию этой синтаксической единицы. В ранней статье «Две экскурсии в область русской грамматики» В.П. Сланский предлагает определение предложения, согласно которому оно «есть та простейшая конкретная форма речи, которая, сама сохраняя ещё цельный характер последней, не разлагается уже ни на какие другие удерживающие такой же характер части» [17, с. 126]. Как видно из данной дефиниции, грамматическое

предложение придаёт тексту («речи») такое качество, как цельность. Эта грамматическая единица не может разделяться на части, которые обладали бы таким же свойством.

В книге «Грамматики – как она есть и как должна бы быть» В.П. Сланский приводит следующее определение предложения: «Предложение есть простейшая конкретная форма речи – клеточка своего рода (разрядка наша – Н.К.), из которой развиваются, а стало быть, и могут быть выясняемы и все другие элементы и формы последней» [16, с. 3].

В.С. Храковский справедливо заметил, что подобное определение предложения «специально подчёркивает его текстообразующую функцию» [18, с. 125]. Другими словами, для В.П. Сланского это грамматическое понятие является минимальной единицей текста.

Ставшее традиционным определение Ф.И. Буслаева («суждение, выраженное словами, есть предложение» [3, с. 258]), как считал В.П. Сланский, не выдерживает критики и «при малейшем прикосновении к нему анализа» оказывается абсурдным [16, с. 3].

Идея отождествления грамматического предложения с логическим суждением не принадлежит Ф.И. Буслаеву. Её можно встретить в работах русских языковедов первой половины XIX века. В качестве примеров можно привести следующие: «Предложение (la proposition, der Satz, enunciatum) есть суждение, выраженное словами» [15, с. 31]; «Мысль, высказанная в виде суждения словами и грамматическими формами какого-либо языка, называется предложением» [12, с. 1]; «Суждение, выраженное словами, именуется предложением» [5, с. 235]; «Выражение суждения – предложение (proposition)» [6, с. 221].

Доминирующей для В.П. Сланского была идея, согласно которой между логическими и грамматическими категориями (например, суждением и предложением) существует принципиальная разница. Он писал: «Мысль действительная, логическая и мысль словесная, грамматическая – две существенно разные вещи. Грамматическая мысль может иметь, а может не иметь для себя соответствующей мысли логической» [16, с. 107]. По мнению В.П. Сланского, «смешение грамматических элементов с логическими и есть та основная фальшь, из которой вытекают, а стало быть и могут быть выясняемы все ... неправильности и несообразности грамматик» [16, с. 94].

Автор книги «Грамматика – как она есть и как должна бы быть» убеждён, что «грамматика, как она есть у нас, сама того не сознавая, силится быть не грамматикой только, а вместе и логикой, вторгается в область, ей не принадлежащую, смешивая при этом последнюю со своею специальною областью» [16, с. 94]. При этом В.П. Сланский прекрасно понимал, что логика и грамматика находятся «в тесном и постоянном союзе», который не должен превращаться в смешение «грамматических элементов с логическими» [16, с. 125].

По мнению В.П. Сланского, в отличие от логических категорий языковым «присущ элемент метафоризма», «зачастую носящий даже видимые следы чисто мифических воззрений и по существу чуждый и враждебный натуре и назначению логических процессов, задачей которых служит лишь возможно более верное и точное отражение в нашем сознании реальной действительности» [16, с. 82].

Например, в предложении «*Земля притягивает к себе предметы*» (выделено нами. – Н.К.) выражена метафора. И далее: «*Земля притягивает* – как будто земля имеет руки или другие органы, которыми бы могла схватывать и притягивать к себе предметы. Земля *притягивает* – скорее это годилось бы для выражения какого-либо мифического представления о земле, было бы к лицу какой-нибудь там Гее или нашей русской матушке – сырой земле, в том виде, как она представлялась воображению нашего языческого предка» [16, с. 83]. Другой пример: «Холод сжимает тела». Можно подумать, что сжимает Борей «с белыми власами и с седой бородой», который, как пишет поэт, своей рукой производит данное действие с облаками [16, с. 83]. Другими словами, наличие подобных метафорических элементов указывает на своеобразие языка и несоответствие его категорий логическим.

По мысли В.П. Сланского, учение о предложении можно условно разделить на две части: на понятие о предложении логическом и понятие о предложении грамматическом. Первое «будут составлять слова, выражающие мысль логическую, грамматическое – слова, выражающие мысль грамматическую» [16, с. 108].

В.П. Сланский писал: «Обычное определение предложения, как мысли, выраженной словами, какой бы широкий смысл мы ни стали при этом соединять с понятием о мысли, никак не может быть признано годным для предложения грамматического, – скорее такое определение подходило бы к предложению логическому. Грамматическое предложение, если нужно непременно сохранить форму и терминологию прежнего определения, могло бы быть скорее определено не как мысль, выраженная словами, а как слова, выражающие мысль, что будет далеко не одно и то же. Когда мы скажем: *мысль, выраженная словами*, этим мы вызовем представление о мысли как о чём-то готовом уже прежде и независимо от словесного выражения, т.е. как о мысли действительной, логической; сказав же: *слова, выражающие мысль*, мы вызываем представление о мысли как о чём-то присущем самим словам и оставив место для предположения, что выражаемое словами может действительной мысли и не составлять... Грамматическое предложение может и не составлять логического, но каждое логическое должно непременно заключать хотя одно грамматическое» [16, с. 108-109].

В.В. Виноградов, размышляя над приведённой пространной цитатой, отмечал, что подобные общие рассуждения не отличаются новизной, хотя «в деталях у В. Сланского много самостоятельного, оригинального» [4, с. 307].

Какие же аргументы («детали», по выражению В.В. Виноградова) приводит В.П. Сланский, пытаясь доказать, что грамматическое предложение не является мыслью, выраженной словами?

Во-первых, по его мнению, далеко не в каждом предложении выражается мысль, которая «может быть вообще определена, как утверждение или отрицание между известными вещами, конкретными или отвлечёнными, известного отношения» [16, с. 9]. Например, в предложениях «На дворе холодно и сыро»; «У меня постоянно болит голова»; «Квартира, в которой я живу, тесна и сыра»; «Человек, которого я близко знал, внезапно умер»; «Сократ был сын простого горшечника», как считает В.П. Сланский, выражаются факты и события, а не мысли, поскольку последние возникают тогда,

когда мы до чего-либо додумываемся, «доходим путём рассудочной деятельности» [16, с. 7-8]. Однако кто же скажет: «*Я додумался, дошёл до мысли, что у меня голова болит или что у меня явилась мысль, что человек, с которым я был близко знаком, внезапно умер*, когда этот человек на самом бы деле умер?» [16, с. 8].

И далее: «Я прочёл в газете, что в таких-то и таких-то местах крестьяне разоряют и бьют евреев: я могу, пожалуй, по этому поводу сказать, что зачем, мол, дозволяют газетам оглашать такие неприятные и тревожные факты! Но резонно ли было бы в этом же случае сделать укор газете, что ею распространяются в публике какие-либо мысли, воззрения? Вот если я скажу, что лучше знать правду, хоть и неприятную, чем оставаться в неведении её, или что грамматики наши нуждаются в радикальной переделке, или что-либо подобное, то это будут мысли, это будет уже нечто, об чём мне – правильно ли там или нет – мог сказать только рас судок, а не простое наблюдение или восприятие» [16, с. 8].

В статье «Две экскурсии в область русской грамматики» В.П. Сланский замечает: «Скажите на милость, разве непременно всегда, когда только что-нибудь о чём-нибудь говорится, выражаются уже мысли какие-нибудь? Я говорю: у меня болит голова; что же я высказал тут мыслы?! Вы обращаетесь к вашей прислуге и говорите ей: подай мне воды; вы сообщили вашей прислуге мыслы?!... Ведь это разве только в шутку можно сказать, что в подобных случаях будут высказываться мысли» [17, с. 127]. Кроме того, в предложениях «Мы сидим» или «Мы есть хотим», по мнению В.П. Сланского, не выражается логическое суждение, если не понимать последнее в широком смысле, как это наблюдается в формальной логике [17, с. 128-129].

В.П. Сланский заключает: «... Вся область того, что только может нами выражаться в предложениях, делится на два существенно разнящихся разряда: на разряд мыслей и разряд фактов, событий. Факты – это всё то, что делается достоянием нашего сознания чрез простое, непосредственное наблюдение или восприятие, а мысли суть продукты уже рассудочной, анализирующей и обобщающей деятельности... И даже трудно сказать, каких больше в нашей речи бывает предложений, таких ли, которыми выражаются мысли, или таких, которыми передаются только факты. Итак, что же значит определить предложение, как мысль, высказанную словами? Таким определением, очевидно, требуется или исключить из области предложений целую половину того, что на самом деле будет составлять предложение, или же подвести под категорию мыслей и весьма много такого, что на самом деле не будет ещё составлять мыслей» [16, с. 8-9].

Во-вторых, грамматические мысли, конечно, служат средствами к передаче мыслей логических, но в большинстве случаев первыми исполняется такая роль не самими по себе, а в соединении ещё с известными другими словесными элементами» [16, с. 107 – 108]. Так, в предложении «Праздная жизнь порождает скуку» «грамматическая мысль, выражаемая уже словами *жизнь порождает*, передаёт требующуюся мысль логическую не сама по себе, а в соединении с словесными элементами *праздная и скуку*» [16, с. 108]. Иначе говоря, «слова *жизнь порождает* будут составлять предложение грамматическое, но не будут ещё составлять предложения логического» [16, с. 109]. Кроме того, в

предложениях типа «Морская вода имеет горько-солёный вкус», как отмечает В.П. Сланский, сторонники традиционной грамматики в качестве подлежащего выделяют слово *вода*, а сказуемым считают слово *имеет*, однако сама по себе грамматическая основа *вода имеет* выражает грамматическую мысль, а не логическую, хотя именно последняя имеется в виду в ставшем традиционным определении предложения Ф.И. Буслаева («Мысль, выраженная словами») [16, с. 11, 106].

В-третьих, В.П. Сланский полагает, что грамматическое предложение не является суждением, выраженным словами, по той причине, что несколько простых предложений в составе сложного могут содержать лишь одну логическую мысль. Так, в пословице «Гром не грянет – мужик не перекрестится» не выражаются две мысли («гром не грянет» и «мужик не перекрестится»), как считает К.Г. Говоров – автор одной из учебных грамматик. Данное бессознательное сложное предложение, включающее в себя две грамматические основы, содержит мысль о том, что «религиозность ... мужика, обращение его к Богу зависят от чисто внешних, возбуждающих страх впечатлений» [16, с. 10]. Другими словами, в предложении «Гром не грянет – мужик не перекрестится» «два грамматических предложения образуют одно логическое, две грамматических мысли служат к выражению одной логической» [16, с. 110]. В.П. Сланский сравнивает приведённую пословицу с предложением «Бедность мужика зависит от его невежества», поскольку в обоих случаях выражается всего лишь одна логическая мысль.

Любопытно заметить, что некоторые рассуждения В.П. Сланского можно сравнить с аналогичными идеями другого малоизвестного русского педаго-

га и филолога XIX века А.А. Дмитриевского. Он был преподавателем в Корочанской Александровской прогимназии, которая находилась на территории бывшей Курской губернии. В 1877 и 1878 гг. А.А. Дмитриевский опубликовал в нескольких номерах журнала «Филологические записки» статью «Практические заметки о русском синтаксисе» (см. [7; 8; 9; 10; 11]). Примечательно, что он, как и В.П. Сланский, критикует определение предложения Ф.И. Буслаева и его последователей – авторов популярных учебных грамматик русского языка (К.Г. Говорова, А.А. Антонова и А.И. Киричничкова). Педагог высоко оценивает капитальный научный труд А.А. Потебни (1835 – 1891) «Из записок по русской грамматике», которым, по его мнению, школьная грамматика «ещё и не начинала пользоваться», потому что «тот верный путь, на который поставил г. Потебня русский синтаксис, далеко ещё не пройден, а более потому, кажется, что выводы г. Потебни имеют столь учёный характер и философскую подкладку как по мыслям, так и по языку, что ждут предварительно талантливого популяризатора, чтобы быть внесёнными потом в школьное преподавание» [7, с. 1]. В.П. Сланский, как и А.А. Дмитриевский, считает, что «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебни – «истинно научный труд», «мало ещё известный даже среди педагогов» и «не нашедший ещё какого-либо практического применения» [16, с. 93].

Таким образом, В.П. Сланский проводил чёткую грань между грамматическим предложением и логическим суждением. Смешение этих категорий, по его мнению, – основная причина многих заблуждений как в теории, так и в методике преподавания грамматики русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акинъшин, А.Н. Сланский Василий Петрович [Текст] / А.Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / главный редактор О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – С. 387.
2. Булахов, М.Г. Восточнославянские языковеды: библиографический словарь [Текст] / М.Г. Булахов. В 3-х тт. – Том I. – Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1976. – 320 с.
3. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
4. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова) [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Издательство Московского университета, 1958. – 400 с.
5. Греч, Н.И. Практическая русская грамматика [Текст] / Н.И. Греч. – СПб., 1827. – 578 с.
6. Давыдов, И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка [Текст] / И.И. Давыдов. – СПб., 1852. – 508 с.
7. Дмитриевский, А.А. Практические заметки о русском синтаксисе [Текст] / А.А. Дмитриевский // Филологические записки. – Выпуск III. – Воронеж, 1877. – С. 1-15.
8. Дмитриевский, А.А. Практические заметки о русском синтаксисе [Текст] / А.А. Дмитриевский // Филологические записки. – Выпуск IV. – Воронеж, 1877. – С. 15-37.
9. Дмитриевский, А.А. Практические заметки о русском синтаксисе [Текст] / А.А. Дмитриевский // Филологические записки. – Выпуск I. – Воронеж, 1878. – С. 37-61.
10. Дмитриевский, А.А. Практические заметки о русском синтаксисе [Текст] / А.А. Дмитриевский // Филологические записки. – Выпуск II. – Воронеж, 1878. – С. 61-76.
11. Дмитриевский, А.А. Практические заметки о русском синтаксисе [Текст] / А.А. Дмитриевский // Филологические записки. – Выпуск IV. – Воронеж, 1878. – С. 75-89.
12. Классовский, В.И. Грамматические заметки [Текст] / В.И. Классовский. – СПб., 1855. – 123 с.
13. Максимов, Ю.М. В.П. Сланский в русской грамматической традиции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык; 10.02.19 – общее языкознание [Текст] / Юрий Михайлович Максимов. – М., 1980. – 216 с.
14. Максимов, Ю.М. Лингвистические взгляды В.П. Сланского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – общее языкознание [Текст] / Юрий Михайлович Максимов. – М., 1978. – 23 с.
15. Перевлесский, П.М. Начертание русского синтаксиса [Текст] / П.М. Перевлесский. – 2-е изд., popr. и доп. – М., 1848. – 206 с.

16. Сланский, В.П. Грамматика – как она есть и как должна бы быть. Пять научных бесед, предложенных в Санкт-Петербургском педагогическом музее [Текст] / В.П. Сланский. – СПб., 1887. – 144 с.
17. Сланский, В.П. Две экскурсии в область русской грамматики. Экскурсия первая [Текст] / В.П. Сланский // Семья и школа. – СПб., 1876. – Книга 2. – Часть I. – №2. – С. 124-151.
18. Храковский, В.С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века [Текст] / В.С. Храковский // Грамматические концепции в языкознании XIX века / ответственный редактор С.Д. Кацнельсон. – Л.: Издательство «Наука», 1985. – С. 124-180.